

14-Р 1.05.92

Романов Алексей

— Лёш, когда лучше было: в 79-м или сейчас?

— А у меня нет критериев для сравнения. Вообще-то «хорошо быть молодым», только это потом понимаешь. А почему хорошо... — зубы целы и девки любят.

— А хочешь глобальный вопрос? У тебя был какой-нибудь перелом в творчестве? Личный прогресс ощущается?

— Это действительно вопрос глобальный. Честно говоря, так называемое творчество мне всегда давалось с трудом.

— Ты стихи пишешь отдельно или подставляешь их к мелодии?

— А по-разному. Иногда мне кажется, что было бы удобнее быть просто гитаристом в хорошей группе, и всё. Это же так облегчает жизнь. Представляешь, вокально-инструментальный ансамбль, постоянная филармоническая работа. Помню, в первом составе «Воскресенья» с Женькой Маргулисом, Каварго мы очень хотели так устроиться. Пусть бы получали 5—7 рублей за концерт, зато официальные музыканты.

— И сейчас смог бы так?

— Нет, это невозможно. Но порой думаешь о гастрольях, где в четыре часа сажают в автобус и везут на работу, а в одиннадцать привозят обратно в гостиницу.

— Так ты можешь стоять на сцене, петь и считать, сколько до конца рабочего дня?

— Нет, конечно.

— А с квартиры на квартиру тусоваться с гитарой за спиной? Или не готов?

— При чем здесь не готов? Скучно просто.

— После 83-го ты стал жестче?

— Похоже, да.

— «Последняя любовь» могла появиться десять лет назад?

— Мне было бы по кайфу, если бы она возникла.

— А «Снялось мне» теперь?

— Таких песен я сейчас напишу штук шесть подряд. Тогда для меня столь просветленная вещь была открытием, ныне я знаю, как это делать.

— Твоя философия всегда сплеталась из балансирующих символов-образов. Казалось, одна ошибочная строка, и провал в банальность неизбежен. Но все получалось здорово. Мне кажется, у тебя все-таки не получится шесть таких песен.

— Я не делаю этого совершенно сознательно — вот потому-то и потому-то. Какая-то внутренняя этика сдерживает.

— Вышедшая пластинка что-нибудь тебе принесла?

— Я ее ни разу не слышал.

— Серьезно?

— Да. Мне в голову не приходило взять ее и послушать.

— Ну она хоть дома-то у тебя есть?

— Есть, конечно.

— Подарили или сам покупал?

— А мне по условиям контракта с фирмой «Мелодия» целую коробку дали в виде гонорара. Вероятно, ее следовало продать и получить огромные барыши.

— Существует группа, с которой бы ты выступил в одном концерте? Я, например, знаю только одну.

— Какую?

— «Калинов мост».

— Я бы не хотел мешать публике слушать «Калинов мост». Вообще сборный сейшн напоминает кулинарию — обед из трех блюд: первое, второе, сладкое на третье. Тот же «Калинов мост» достаточно концептуальная группа, и пускай она выступает самостоятельно. И я лучше один пою. Хотя принципиально ничего против сборников не имею. Без моего участия. Я в свое время неоднократно это делал с разной степенью морального ущерба.

— Для кого?

— Для себя, естественно. Если бы я подписал какой-то контракт, тогда никуда не денешься, а хотеть таких вещей я уже не умею.

— Чем стали девять месяцев по ту сторону забора?

— Потерянным временем.

— Как отнеслись в казенном доме к твоему внешнему виду?

— Вид там у всех одинаковый. А среда та же самая — советский народ, только без женщин и детей.

— Интеллектуальная дифференциация тебя не тяготила?

— Может, мне повезло, но находились собеседники. И библиотека в Бутырке неплохая.

— А занимался чем?

— Да ну... Сидел. Ждал звонка.

— И как всё кончилось?

деленную ауру — из нее во многом состоит окружающий мир. Лет двадцать назад разговор о политике можно было услышать лишь у синагоги, а ныне это вплотную придвинулось. Очереди за хлебом — политика, нас на колени ставят — тоже политика... — Давай зададим вопрос для любопытных — ты за кого?

— О, сейчас слишком большой выбор, поэтому я за себя и за своих.

— Ну а когда всё это шло: демонстрации, митинги, триколоры, ты был доволен происходящим?

— Знаешь, на приятные слова автоматически отзывается — да, да, да... Но ведь одновременно видишь лица, видишь, кто есть кто. Очень Сахаров помог. Достаточно было смот-

— И с тех пор ничего не читаешь?

— Читаю. Вот «Этногенез и биосфера Земли» — настоящий шлягер. Сейчас «Розу Мира» осваиваю.

— Ты любишь шумные компании?

— Нет, но могу довольно долго их терпеть.

Лёша Романов спит плохо, дни его темные и летят быстро, но он веселый человек — любит играть на гитаре и кататься на лыжах. За границу не рвется, но были бы деньги, съездил побродить по провинциальной

Допевший до будущего

Кажется, он всегда был укрыт от шума. Даже в 83-м, словно в нагиданке собравшись по струне отправленный за решетку, и в 89-м, когда переломленный ДБ АЗДК хитовый юбилейное действо легендарного «Воскресенья» (или «Воскресенья» — как хотите), где он был лидером. О нем иногда упоминают, вспоминают, пишут. Его особенность — осознанность от слухов и домыслов. Он ничего ни с кем не делит. Он «делает рок-н-ролл на каждом углу», «не участвуя в сценах и не торгуясь о ценах».

Живая страница русского рока — Лёша Романов — обитатель мажорды на улице «Правды». Любитель выступать перед студентами и мечтающий о длительных, хорошо организованных гастрольях. Он начинает концерты без словесных вступлений и не называя исполняемых песен. Его «последняя любовь по прозвищу смерть» все-таки не мешает ему жить. Популярность заботит меньше, чем политика, но публикации о себе всегда рад — даже красится. С кем хочется говорить, он делает это тихо и медленно, без намеков, и текст не нуждается в дешифровке. У вас лишь остается право понимать его по-своему.

— Да никак. Ограбило государство нашу семью, и только.

— Ты, кроме «Светлой горницы» Кузьмина, исполняешь песни на чужие стихи?

— Практически нет. Эта вещь как-то случайно получилась.

— Как возник наиболее известный состав «Воскресенья» — с Никольским?

— Костя профессиональный парень. Он «подъехал» ко мне и сказал: «Репертуар у нас есть, время тоже. Давай играть». Так что всё было готово. Прекрасно провели несколько лет.

— Почему так часто менялись люди в группе?

— Всё меняется...

— Свою последнюю программу ты назвал «Концерт из трех частей по вертикали», потом добавил: «Это наше язвичество...». Откуда что берется?

— Какие-то интуитивные импульсы. Постороннему может показаться, что я говорю очевидные глупости, но для меня за этим многое стоит. Расшифровывать пока не имею желания. Если когда-нибудь захочу, прочитаю вместо концерта лекцию.

— А если зритель не врубается?

— Ну и пускай.

— Тебя интересуют: объем зала, состав публики, аншлаг?

— Сейчас хочется выступать в малых залах. В свое время было потрясающе актуально работать во дворцах спорта. «Пипл» кругом, аппаратура ревет. Но появились другие законы, пришел другой «пипл». Мне стало интереснее играть в институтах, домах культуры.

Публика разная... Аншлаг, конечно, приятен, но и без него жить можно. Не надо только ориентироваться на идютов.

— Что-нибудь о политике...

— Она волнует. Она создает опре-

дельность выражение глаз и сравнивать. Потом всё превратилось в азартную игру.

— У тебя была злоба на Систему?

— Концептуально она долго складывалась, и не скажу, что это принесло какие-то положительные результаты. А посмотри, чем всё обернулось для Талькова. Этот содрум, видимо, стал личной драмой, он пропустил его через себя, и такая развязка.

Я понял сейчас, что не стоит медитировать на этой теме — дурная энергия. Концентрировать отрицание, нигилизм. Я иногда играю в такие игры, но не на публику — это позиция.

— В принципе политика еще возможна в твоём творчестве?

— Могут вынудить. Такое происходит как прорыв — оглядываешься и видишь, что сделал то-то и то-то.

— Ты в Америке не был?

— Что ты! Дальше Новосибирска никуда не выезжал.

— Думаешь о новом диске?

— Хотелось бы, но пока к работе еще не приступал.

— Планируешь снова коллаж или будет законченный диск?

— Конечно, лучше цикл. Сейчас что-то есть, и слава Богу. Но желательно больше — для выбора.

— Вообще много пишешь?

— Не-ет... Поэтому и хочется быть исполнителем. Поэтому и завидую классическим артистам с прекрасным репертуаром, в который можно вплотнаться и стать гением, виртуозом.

— Ты в театр ходишь?

— Нет, только в филармонию. Не в кафе, извиняюсь, театры, хуже, чем кино. Пусть и про меня такое скажут.

— Видеомагнитофон не смотришь?

— Да баракло оядю. Если бы он у меня был, я бы, наверное, записал Тарковского, Феллини, Висконти, ну то, что можно перечислять, а так...

Я вот летом какой-то детектив за ночь прочел, так до сих пор помню о своем глубоком разочаровании по поводу утраченных часов.

Германии. Ему «плевать на прожитое», он «дожил до будущего». Он допел до будущего...

— Сколько ты еще будешь всем этим заниматься?

— А ты можешь предложить что-нибудь более интересное? Кстати, лет десять назад мне следовало задавать такой вопрос. Ну вот прошли эти годы. Пусть пройдет еще десять. Мне будет не сорок, а пятьдесят. Появится опыт другого качества, найдутся новые ключи к темам. Я все-таки двигаюсь. Темп зависит от степени напряжения. Невыплеснутая энергия компенсируется утратами. Много заблуждений рассеялось за прошедшее время. Сейчас такое состояние, что если не пишу, просто не знаю, что делать — какая-то перманентная растерянность.

— Что ты ждешь от нового года?

— Ничего не жду. Хотелось бы написать песен тридцать и от этого отпрыгнуть... Башлачева слушаю и понимаю — я не гений. Ну и ладно, буду на гитаре потихоньку...

Гений не гений... не знаю. Но он никогда не станет просто исполнителем, это точно. Он — поэт, хоть и пытается скрыть сие налетом самовранности. Поэтическая сохранность выдает его не только на фоне колбасно-валютных времен, но и выделяет из солянки теперешних лиц современников по рок-н-рольной молодости. Расставаясь с ним, хочется сказать что-нибудь хорошее типа: «Живи долго, Лёша...».

Даже известность у него какая-то мудрая, со вкусом тумана. Кажется, такой и должна быть настоящая слава — не литавры, но скрипка.

Михаил МАРГОЛИС.